

И.С. Хугаев

«ЕВАНГЕЛИЕ» ОТ КОСТА: ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ К.Л. ХЕТАГУРОВА «СЕ ЧЕЛОВЕК»

И.С. Хугаев*

Аннотация. В статье дается очерк идейного и художественного содержания поэмы Коста Хетагурова «Се человек»: выявляется концепция образов Христа, Пилата, Учеников, Толпы; рассматривается мера революционно-просветительской тенденции, композиционные и стилистические принципы, отношение текста поэмы к каноническим Евангелиям.

Ключевые слова: Коста, Иисус, Пилат, Толпа, христианство, просвещение, осетинская литература, поэма, строфа, стих.

Тема Христа является одной из ведущих в лирике¹ Коста Хетагурова, а образ Иисуса обусловлен напряженным поэтическим стремлением писателя к Абсолюту. Имя основателя христианства упоминается в пяти стихотворениях Хетагурова (а мотивы, связанные с христианской этикой, и бесспорные христианские аллюзии содержатся в более чем десяти): «Новый год» (1888); «Не упрекай меня...» (1893); «Когда тебя, мой друг...» (1893); «Расстаться не трудно...» (1894); «Под Пасху» (1899); «Страстная неделя-2» (1901).

С образом Христа связаны драматические переживания и размышления поэта о смысле мировой истории и о месте и роли в ней человека. Для лирического героя Коста характерно ставить скорее роковые, чем риторические вопросы, прямо обращенные к человеческой совести: «Много ль нужно еще вам позорных веков, // Чтобы силой Христова ученья // Жизнь избавить свою от тяжелых оков?...» [1: 2: 30]. То герой возмущен объективной косностью человеческой природы, не признающей очевидного, то сам теряет ясность видения – и тогда монологи приобретают ярко выраженный элегический характер: «(...) И почему его божественное слово // Нас чувством не могло любовным вдохновить, // И всех нас, всех людей для счастья мирового // Как братьев и друзей, в одну семью сплотить?» [Там же: 163].

Микрокосм и макрокосм открываются осетинскому поэту вместе с поэтическими тайнами русского языка. Заметим, что категория вечности в «Осетинской лире» отсутствует: возможно, потому, что это поэзия закончившейся вечности и начавшейся истории. Русская же поэзия давно разведала метафизические бездны и разрывы, и Коста не мог игнорировать этот опыт.

Безусловно лучшим стихотворением о Христе и христианстве является «Страстная неделя» 1895 года (есть еще одноименное стихотворение 1901 года): «Ночь великих испытаний // Реет над землей... // Дни печали и страданий // Настают, друг мой... // Чаша горечи и мщенья // До краев полна... // Бог любви и всепрощенья // Пьет ее до дна. // Как не дрогнула на части // До сих пор земля! // Как мечтать о личном счастье // Могу с тобою я?!» [Там же: 152]. Стихотворение отличается именно желательной плотностью, сбитостью формы, заповеданной Гейне и Некрасовым, и интонационной точностью вопросов и восклицаний. Здесь не возникает сомнений в органичности жеста и позы, в том числе последнего отречения от личного счастья. Лирический герой Коста отрекается от него перед лицом великих страданий, вечно терпимых, во-первых, народом, во-вторых, Иисусом Христом («Когда тебя, мой друг...», 1893). Первый контекст генерирует идеал Гражданина (Грибоедов, Лермонтов и др.), второй – идеал Человека, иерархически высший. Ранние лирические интерпретации образа Христа и евангельских мотивов можно рассматривать как своего рода подготовку к эпическому развертыванию сюжета; они послужили своеобразной рекогносцировкой в условиях этой большой темы, наиболее полное и системное воплощение получившей в поэме 1895 года «Се человек».

Поэма «Се человек» впервые была опубликована с цензурными купюрами в 1894 году в газете «Северный Кавказ» и вошла, также со значительными сокращениями, в сборник русскоязычных стихотворений и поэм К. Хетагурова. Рукописи поэмы не датируются, но можно предполагать с большой долей уверенности, что поэма написана приблизительно в одно время с

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., в. н. с. комплексного научно-исследовательского отдела ВНЦ РАН и PCO-A (shmiksel@rambler.ru).

¹ Не только в лирике Коста Хетагуров пытался решить этот образ и поднять данную тему, но и в своей живописи: достаточно вспомнить такие его известные картины, как «Моление о чаше» и «Скорбящий ангел».

поэмой «Кому живется весело»: об этом (отметим заранее) говорит степень мастерства автора в стихе и композиции.

Поэма состоит из 21 главы, пронумерованных римскими цифрами. Каждая глава представляет собой 12-строчную строфу, включающую 4 катрена, написанных 4-стопным ямбом. В 1-м катрене рифма перекрестная, во 2-м – кольцевая, в 3-м – параллельная. Автор строго блюдет данную структуру и последовательность; есть только один вариант, относящийся к *окончаниям*: в последнем катрене главы XIV все окончания *мужские*, в то время как во всех аналогичных позициях мужскими характеризуется вторая параллельная пара.

Каждая глава-строфа является законченным в самом себе эпизодом; но и тут налицо вариант, два отступления от правила. Во-первых, глава XIII начинается со сказуемого («*И разошлись*»), относящегося к лицам (Петру и Иуде), действующим в предыдущей главе. Во-вторых, глава XVIII заканчивается придаточным предложением (здесь стоит запятая), *главным* которого открывается XIX.

Определим выбранный автором из материала Евангелий хронотоп и уясним общий рисунок, архитеконику, сгруппировав главы, по возможности, в более широкие композиционные блоки.

Глава I. Общий план: Гефсиманский сад; Иерусалим.

Глава II. Крупный план: уединившийся Христос. **Глава III.** Моление о чаше.

Глава IV. Возвращение к ученикам. Упрек спящим ученикам. **Глава V.** Завет ученикам: «(...) *Любите, как любил и я*». **Глава VI.** Завет ученикам: «(...) *Всех ненавидящих простите*». **Глава VII.** Завет ученикам: «(...) *Не бойтесь временной разлуки*».

Глава VIII. Появление «толпы вооруженных слуг» с огнями. Упрек ученикам, пришедшим в «*смятенье*». **Глава IX.** Христос направляется на встречу огням. **Глава X.** Толпа грозит Иуде за обман. «*Кого вы ищите?*». Поцелуй Иуды. **Глава XI.** Толпа *всполошилась*, толпа в *сомненье* (тот ли?) – и вдруг *хохочет* и *издевается*. «*Зачем, друзья, вы шли за мной, // Как за злодеем, в час ночной?*»

Глава XII. Побег Иуды и его встреча с Петром.

Глава XIII. Петр (имя у Коста не указано) отсекает ухо одному из рабов. Толпа *онемела*. **Глава XIV.** Исцеление уха. **Глава XV.** Изумление «толпы»: она *трепещет* – и снова *хохочет*.

Глава XVI. Утро следующего дня: столица, молва; толпа перед преторией Пилата. **Глава**

XVII. Толпа, чернь: «(...) *зрелищ, развлечения и крови!*» **Глава XVIII.** Толпа, чернь: «(...) *жертвы ей! Где жертва?*»

Глава XIX. Выводят Христа в венце. Толпа *стихает, немеет*. **Глава XX.** С *тоской* и *сочувствием* смотрит на него и суд (Пилат). «*Се человек...*» **Глава XXI.** Толпа *вздрыгнула, всполошилась*; раздается дикий (одиноким!) вопль «*Смерть ему!*» – толпа: «*Распни его, распни, распни!*...»²

Исходя из того, что в поэме изображаются последовательно *ночь* и *утро* Христа накануне казни, причем явна между ними композиционно-повествовательная *пауза*, произведение может быть условно разделено на две части: вторая часть начинается главой XVI. При более детальном взгляде открывается внутренняя структура частей, которую удобно делить на *сцены* (выше эта структура дана в *абзацах*). Глава I – своего рода *пролог, лирическая экспозиция*: здесь нет персонажей. **Первую сцену** представляют собой главы II–III: Христос, один, молится. **Вторая сцена** – главы IV–VII: Христос и ученики. **Третья** – главы VIII–XI: Христос, ученики, Толпа с факелами, Иуда. **Четвертая** сцена – глава XII: встреча бежавших с места события Иуды и Петра. **Пятая** – главы XIII–XV: Христос, ученики, Толпа; отсечение уха и исцеление. Вторая часть делится на две сцены. **Шестая** – главы XVI–XVIII: Толпа (перед преторией). **Седьмая** – главы XIX–XXI: Христос, Пилат, Толпа.

Следует, поскольку речь идет о *такой* теме, оценить меру авторской художественной и этической *интерпретации* библейского материала. Сопоставим поэму с его ближайшими источниками.

1. Как конкретизируется *хронотоп* библейской истории? Коста берет в качестве материала кульминационный момент земной жизни Христа: момент высшего напряжения его духовной силы. Соответствующие события (именно от *гефсиманского уединения* до первого крика «*Распни!*») в Евангелиях содержатся: от Матфея – со стиха 42 (гл. 26) до стиха 22 (гл. 27); от Марка – с 35 (гл. 14) до 13 (гл. 15); от Луки – с 42 (гл. 22) до 22 (гл. 23), от Иоанна – с 1 (гл. 18) до 15 (гл. 19). Относительно среднего евангельского объема Коста обрабатывает материал и события приблизительно одной главы.

2. Правомерен вопрос: были ли у Коста какие-либо предпочтения относительно источника? Проследим ряд частных, но показатель-

² Последняя строка поэмы. Можно предположить, что и эта поэма не закончена: она как бы обрывается на вдохе; вдох есть – выдоха нет. Если же закончена, в той форме, в какой была задумана, – то это не собственно поэма, а своего рода поэтический этюд.

Поэма Коста	Матфей	Марк	Лука	Иоанн
<i>Моление о чаше</i>	<i>да</i>	<i>да</i>	<i>да</i>	<i>нет</i>
<i>Огни (факелы)</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>да</i>
<i>«Кого ищете?»</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>да</i>
<i>Поцелуй Иуды</i>	<i>да</i>	<i>да</i>	<i>да</i>	<i>нет</i>
<i>Исцеление уха</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>да</i>	<i>нет</i>
<i>«Се, человек»³</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>да</i>	<i>да</i>

ных совпадений и расхождений текстов поэмы и Евангелий, из которых очевидно, что Коста пользовался как источниками всеми четырьмя Евангелиями.

3. Есть ли в евангельских текстах (в рамках воспроизводимого отрезка) обстоятельства или персонажи, опущенные в поэме (мера отрицательной интерпретации)? Безусловно: у Коста выключены из действия: *отречение Петра, Ирод, Каиафа, Варавва, смерть Иуды*. Соответственно, суд над Христом гораздо более скоротечен и прост, как таковой (допросы и обвинения первосвященников в синедрионе) он просто вынесен за рамки повествования⁴, и толпе не дано выбирать жертву по поводу праздника, упоминания о котором в поэме также нет.

4. Есть ли в поэме Коста что-либо выходящее за рамки канонических евангельских текстов (мера положительной интерпретации)? К личным добавлениям Коста к библейскому сюжету относятся: а) угроза Иуде со стороны «толпы», решившей, что он обманул их, приведя в Гефсиманский сад («Уже безжалостной расправой // Толпа усталая грозит // Иуде за обман лукавый... // Предатель съежился, дрожит // И ждет удара...» (гл. X); б) встреча Иуды с Петром после того, как толпа взяла Учителя (гл. XII⁵). Но следует заметить, кроме сюжетных добавлений, и два принципиальных идейных акцента: а) у Коста в Гефсиманский сад за Иисусом приходит толпа (толпы) вооруженных слуг – и далее называется только толпой и никак иначе. В Евангелии это слово, конечно, отсутствует. У Матфея и Марка Иисус пленен «множеством народа с мечами и кольями», у Луки – «народом», у Иоанна – «отрядом воинов и служителей с фонарями и светильниками»; б) Пилат (суд) смотрит на обреченного уже Христа «с душевной болью, // С тоской, сочувствием без конца».

Итак, Хетагуров решительно устраняет из своей поэмы героев, события и обстоятельства, которые не соответствуют его повествовательному модусу, алгоритму и мешают единству идеи

и действия. Последним соображениям он жертвует внешними атрибутами историчности и социологизма: нет ни Израиля, ни царя Ирода, ни Каиафы, ни первосвященников, ни фарисеев, ни книжников и т. д. Коста не хочет усложнять концепцию. Вместо Ирода и Каиафы достаточно Пилата как олицетворения власти (политической); вместо Израиля с его разными сословиями – достаточно Толпы. Итак, есть только Иисус, Ученики, Иуда, Толпа и Пилат.

Слово «толпа» употреблено в поэме 11 раз и несколько раз – «враги», «чернь», «стая» как его синонимы; в то время как слово «народ» – лишь 2 и по разу – «сыны погибшие» и «трудящие». Иисус неизменен во все время повествования; Толпа постоянно в движении и внутреннем боре. Ее эмоции и страсти занимают в тексте слишком видное место, чтобы этого не заметить. Причем эмоционально-психологическая парадигма Толпы сводится почти исключительно к двум состояниям: на одном полюсе – сомнение (вдруг правда, что Бог?) и страх, на другом – презрение и ненависть. В поэме Толпа трижды проходит данный амплитудный цикл:

1) «...невольнo всполошилась... // Пред ней не враг, сомненья нет... // Но этот знак (поцелуй. – И.Х.)... И разразилась веселым хохотом в ответ...» (гл. XI);

2) «И в это чудное мгновенье (исцеление уха. – И.Х.), // Глубокий обрывая вздох, // В сердцах рождается сомненье: // А вдруг он в самом деле бог? // Толпа уже затрепетала // Пред этой мыслью, но потом, // Порабощенная умом // Незрелым, дико хохотала...» (гл. XV);

3) «Он вышел в ризе багряной // Навстречу смерти и позору... // Все стихло, смолкло, прислосло... // Еще раз покорилось зло // Его божественному взору. // Один намек, одно лишь слово, // И, кажется, толпа бы снова // Могла приветствовать его // Как властелина своего... (...) Настал миг грозного молчанья... // Он смутно породил в сердцах // Виновников его страдания // Гнетущий стыд, позорный страх... // Тол-

³ Имеется в виду акцентирование и четкое произнесение этой формулы.

⁴ В этом смысле суд над Иисусом мало отличается от суда над Эски (поэма «Перед судом»)

⁵ Единственная (не считая I, предваряющей действие) глава, в которой не действует главный герой.

па вздрогнула, всполошилась, // Простерла руки
уж к нему, // Как диким воплем: – Смерть ему!
– // Внезапно площадь огласилась... Глупцы при-
мера только ждали, – // За ним бессмысленно
кричали // В ответ наместнику они: // – Распни
его, распни, распни!..» (гл. XIX, XXI).

Толпа, таким образом, становится в произведе-
нии героем не менее главным, нежели Христос;
и при ближайшем рассмотрении выясняется, что
общее и частное поэмы в значительной мере под-
чинено алгоритму отношения «пророк (герой, про-
светитель, поэт)⁶ – толпа». Так, мотивы и интона-
ции стихотворения 1894 года (кстати, год первой
публикации поэмы) «Толпа» почти синонимичны
заключительным главам «Се человек»:

«Толпа»	«Се человек»
Когда гремит на площадях «осанна» И, как волна, колышется толпа, Ты ей не верь, – она непостоянна, Капризна, зла, разнуданна, глупа.	В позорной ярости не зная Любви и жалости, она Готова броситься, как стая Волков на жертву, как волна Сильна, упорна, неустанна...
Она шумит, как грозная стихия, Не ведая ни меры, ни преград...	...нет для ней Теперь ни доводов закона, Ни мощных каменных преград...
Она творит с стихийным увлечением, Но что вчера ей удалось создать, То через день она же с озлоблением Повергнет в прах и станет попираТЬ. Не верь ты ей, когда она так шумно Клянет вражду и превозносит мир, – Ее любовь, как ненависть, безумна, И бог ее не бог, а только лишь кумир...	Не время медлить, – жертвы ей! Где жертва? Дайте поскорей! И жертва есть... Кому «осанна» Вчера неистово кричали, Чей путь одеждой устилали, Кого у городских ворот Встречал восторженно народ, Тот брошен разъяренной черни.

Коста Хетагуров воспроизводит сюжет Еван-
гелий в духе и системе *просветительской* кон-
цепции и *романтической* эстетики, поэтому
естественно, что главной оппозицией является в
поэме отношение *Иисус – Толпа*. Все остальные
отношения отступают на второй план. Даже Уче-
ники, Апостолы оказываются в поэме достаточно
слабыми («Неверные!..») для того, чтобы условно
называть их всего лишь *ближней*, или *малой*,
Толпой. Так оно есть, в общем, и в источниках,
но важно, что Коста сохраняет это обстоятель-
ство для поэмы, хоть и исключает из нее отрече-
ние Петра (для схемы достаточно предательства
Иуды). Соответственно, усилен в поэме глубоко
лирический – и личный для Коста – мотив *оди-*

нчества, безответности, тщеты служения
высокому, лучше сказать – высшему – идеалу.

Ибо поэма, тематически относясь к одному
из самых больших циклов произведений Хета-
гурова и венчая его, рождена, как мы сказали,
из творческого и философского интереса к *аб-*
солютному – к тому, что выше текущих соци-
альных и политических вопросов, к феноменам
вечным, рационально не разрешимым. Не зря у
Коста Толпа хохочет, «*порабощенная умом*» [1:
3: 166]⁷; здесь, несмотря на в целом просвети-
тельскую этическую концепцию, определенно
выражено недоверие разуму. Автора увлекает
парадоксальность события и она же обеспечи-
вает эмоциональное напряжение повествования:

«Христа судили!.. Каж-
дый взор // Злорадно
предвещал позор // Рас-
пятыя, как убийцы бра-
та, // Тому, кто брат-
ские объятья // Раскрыл
всем людям без изъятья,
// Кто в жертву отдавал
себя // Спасенью наше-
му...» [Там же: 166–167].

В связи с этой поэмой
правомерно ставить во-
прос о *мере религиоз-*
ности автора. Так, каза-
лось бы, почти всегда и
делали исследователи,
но, тем не менее, апри-
орно утверждая атеизм
автора, уходили от во-

проса в область стилистики и образности. Л.П.
Семенов в свое время писал: «Хотя Коста и был
атеистом, однако для выражения торжествен-
ности наступающего момента (имеются в виду,
вероятно, революционные события в России. –
И.Х.) он прибегает здесь, как в некоторых дру-
гих случаях, к религиозным образам... Возмож-
но также, это своеобразный творческий прием,
обусловленный цензурными соображениями»
[3: 355]. Н.Г. Джусойты на это отвечает: «...од-
ними только цензурными соображениями или
стилистическим приемом позицию Коста не объ-
яснить. Это было осознанной позицией и имело
более основательные причины» [4: 166]. Но и
Джусойты, не сомневаясь в атеизме Хетагуро-

⁶ Как нам кажется, до известной степени Коста, тщетно пытавшийся уверить современников, что он «не пророк» и «не поэт», творчески ассоциировал себя с Иисусом (без этого, собственно, не могло быть и поэмы). Но, возможно, и не только творчески: позволим себе напомнить его предсмертные слова: «Братья мои, живите любя друг друга». Что касается типологической связи между образом Христа в поэме «Се человек» и образом Поэта в творческой концепции Коста, то она подчеркивается в реминисценции из Лермонтова, указанной З.М. Салагаевой: Иисус выходит к толпе, «поникнув гордой головой» [2: 587–588]. Хотя, конечно, «гордая» – не самый удачный эпитет для головы Христа.

⁷ Вспомним Владимира (героя «Чердака»), которому Бог был дан не в результате анализа и рефлексии, но в озарении, откровении.

ва, говорит, в конце концов, о революционной интерпретации образа Христа, которым автор хотел напомнить современникам о «подвиге во имя любви, братства и равенства» [там же: 278]. Т.Е. Дзеранов прежде всего вспоминает в этой связи «Письмо Гоголю» В.Г. Белинского: «Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей, тот носит Христа в груди своей...» И, следуя такому определению христианства, он называет сыном Христа... Вольтера!». Дзеранов, однако, не ограничился этим определением по аналогии (если Вольтер – христианин, то Хетагуров – по-прежнему); он впервые ставит вопрос прямо⁸: «...кого видел поэт в Христе – Бога или человека?» – и приходит к выводу: «...для автора поэмы... главное не то, Бог или человек Христос, а то, что он был творцом «великого нравственного учения» [5: 94]. Возможно, но только, подчеркнем это, для автора поэмы; для Коста Хетагурова это был отнюдь не схоластический вопрос. Так, стихотворения «*Волшебной сказкою, свободным измышлением...*» (1896) и «*Воспоминание*» (1889) обнаруживают его личное, экзистенциальное переживание этого парадокса.

Во всяком случае, Коста нельзя однозначно относить к атеистам. Другое дело, что, как писал В. Соловьев, «раз в известной среде (в данном случае, в Осетии. – И.Х.) началось умственное движение (...), непосредственная вера, требующая младенческого ума, становится невозможной для всякого человека, затронутого этим движением» [6: 594]. У Коста налицо именно страстное желание понять и принять Бога, страстное желание даже чуда, знамения, какое, вероятно, бывает у одиноких мирских праведников, уставших на своем пути.

Возвращаясь к поэме, отметим, что и она содержит немаловажную деталь, которую нельзя игнорировать в данном контексте. Вряд ли, конечно, поэма случайно названа так, как она названа – «Се человек». Для того чтобы поэма жила, достаточно Иисуса-человека – и вовсе не обязательно утверждать его божественное происхождение. Но здесь важно другое: именно, чьи слова вынесены в заглавие. Пилат-правитель поставлен автором выше, нежели толпа-народ. И если мы определили, по возможности, меру религиозности в поэме, то теперь самое время выявить меру ее *революционности*. В этом смысле первое и главное уже сказано: Пилат

выше Толпы и нравственно, и интеллектуально, и это тем более, что, при своем превосходстве, он бессилен перед ее грубым натиском. Если Толпа «искала в лице Христа всемогущего Бога и, признав Христа человеком, требует его смерти» [5: 94], то Пилат как раз простодушно видит оправдание Иисуса в том, что он всего лишь человек.⁹ И этот его последний аргумент в защиту Христа на деле послужил для Толпы последним доказательством его вины. Здесь, в сущности, нет интонационных и идейных отступлений от Евангелия; но заметим, что позиция Пилата, будучи очищена в поэме от *политических* соображений (сохранен только нравственный аспект), в значительной мере *реабilitирует* власть и официальный суд.

Это очевидно; но самым неожиданным образом официальная цензура вычеркивает из текста Хетагурова именно этот фрагмент (со слов «*Позорный плащ...*» до «*Се человек*» [1: 3: 168–169]). Если бы цензура руководствовалась исключительно политическими соображениями, для нее не было бы ничего лучше, как пропустить указанный отрывок в печать. Но цензура поступает так же, как Понтий Пилат: она не видит, вопреки, опять-таки, устоявшемуся мнению, революционной опасности в поэме. Драматический акцент не в том, что Иисус устранен теми, *против* которых пришел, а в том, что Иисус отвергнут теми, *для* которых пришел: где здесь, по существу, революционность? Очевидно, что из 6 купюр только 2 могут быть отнесены на счет *идеологических* соображений цензуры; прочие обусловлены *художественно-стилистической* оценкой, с которой, в общем, трудно не согласиться. При непредвзятом рассмотрении открывается, что цензура исключает из текста не призывы к революции и мятежу, а места с явной эксплуатацией просветительских штампов и просто стилистически нарочитых построений. Хотя в целом стих поэмы достаточно ровный, приятный слуху, и не лишен своего обаяния: «– Отец, умерь мои страданья, – // Порой слетало с уст его, – // Коль можно, чаша испытанья // Да мнет сына твоего» [там же: 160].

Вообще следует заметить, что образ Христа – не слишком оригинальная революционная аллегория, и думать, что Коста настолько недооценивал цензуру, что надеялся *так* ее провести, – значит недооценивать самого Коста. То что Христос произвел революцию в че-

⁸ Не беда, что он тем самым выводится за рамки собственно филологического анализа: он остается в русле проблем истории осетинской литературы.

⁹ «Се человек!» – воскликнул Пилат, по-видимому, тронутый жалостным видом Божественного Узника. (– Смотрите, есть ли в его лице что-либо дерзкого, мятежного, – в его положении что-либо опасного для правительства! – Смотрите, как он в угодность вам поруган, измучен!...) [7: 98–99].

ловечестве – всем известно, и естественно, что каждый художник, связывающий с той или иной революцией надежды на обновление мира и человека, в той или иной мере ассоциирует ее с Христом. Но не всегда это стилистический прием. «Двенадцать» Блока – яркий образец Иисуса как приема, метафоры, но у Коста Христом – это Христос, – точно так же, как, например, у Л. Андреева в повести «Иуда Искариот». У Хе-

тагурова, очевидно, отсутствует настоящая философская глубина и высокая степень личных неожиданных трактовок, характерных некоторым литературным прецедентам.¹⁰ Его мысль часто сбивается на риторические вопросы и восклицания в духе «Антимилитаризма» Инала Канукова, но не надо забывать, что это – первое обращение к евангельской теме в кавказской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений: в 5-и т. – Владикавказ, 1999–2001.
2. Салагаева З.М. Комментарии // Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений: в 5-и т. – Владикавказ, 1999–2001. Т. 3.
3. Семенов Л.П. Примечания // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: в 3-х т. – М., 1951. Т. 2.
4. Джусойты Н.Г. Коста Хетагуров. Очерк творчества. – Сталинир, 1958.
5. Дзеранов Т.Е. Об отношении Коста к религии // Венок бессмертия.
6. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Соч.: в 2-х т. – М.: Мысль, 1990. Т. 2.
7. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенные по сказанию всех четырех Евангелистов. – М., 1991. Репринтное издание: Одесса, 1857.

«THE GOSPEL» FROM KOSTA: IDEOLOGICAL AND AESTHETIC CONCEPTION OF K.L. KHETAGUROV'S POEM «ECCE HOMO»

I.S. Khugaev

D.Litt. Senior Researcher Scientist. Vladikavkaz Science Center of Russian Academy of Sciences (shmiksel@rambler.ru).

Abstract. The article gives an essay of the ideological and artistic content of Kosta Khetagurov's poem «Ecce Homo»: the concept of Crist's, Pilate's, the Disciples', the Crowd's images, the measure of a revolutionary educational trends, compositional and stylistic principles, the attitude of the poem's text to the canonical Gospels are identified.

Keywords: Kosta, Jesus, Pilate, the Crowd, Christianity, education, Ossetian literature, poem, stanza, verse.

¹⁰ Нельзя, тем не менее, не заметить, насколько органичны евангельскому сюжету – психологически и по мизансцене – два указанных выше эпизода, введенных Коста в поэму: угрозы Иуде со стороны Толпы и его позорный страх – и встреча Иуды с Петром.